

МЭЙ ЙИ

ИГРА НА
ЦИТРЕ ПЕРЕД
БЫКОМ

18+

Мэй Йи

Играя на цитре перед быком

«Автор»

2026

Йи М.

Играя на цитре перед быком / М. Йи — «Автор», 2026

«Играть на цитре перед быком» (####, duì niú tán qín) — китайская идиома, которая означает «говорить с тем, кто не понимает». Цзю Син - начинающий врач, который в одно утро просыпается не в своей квартире, а в другом мире, где тут же ему приходится принимать важные решения и брать на себя ответственность не только за свою жизнь, но и за жизнь своей ученицы. Тем более, человек, чье тело он теперь занимает, прозван народным героем, но имеет множество тайн...И в то же время на границах государства Синьюэ и Яньлинь, где теперь живёт Цзю Син, становится беспокойно. А генерал, предупрежденный об этом, уже готовится к объезду городов своего государства...

© Йи М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Тревога!	5
Глава 2. Воспоминаниям — покой, а прошлому — забвение.	10
Глава 3. Все дороги ведут в Янгуан.	16

Мэй Йи

Играя на цитре перед быком

Глава 1. Тревога!

Кажется, Цзю Син что-то хотел сделать... Точно! Позвонить маме! Он резко открыл глаза, вскакивая на кровати, почему-то более твердой, чем обычно. Молодой человек подорвался положить руку, где на тумбочке всегда лежал телефон, но ни за что не зацепился и полетел без опоры вниз.

Тогда он решил, что перепутал стороны, и тумба должна стоять с другой стороны. Цзю Син поднялся, опираясь на кровать, но увидел напротив стену. Он даже не подумал, что на ней нет привычных обоев со странным рисунком, в котором можно было увидеть что угодно. Хотя обычно там он различал морды лис в профиль, очертания бабочек и множество рыбьих чешуек.

Взгляд упал на постель, тоже выглядящую странно. Он разворошил ее всю, но и там телефона не нашлось. Логично было подумать, что во сне он мог упасть на пол, поэтому Цзю Син снова опустил вниз. Но что-то его насторожило. Он застыл, уставившись в пол и пытаясь понять, что не так.

Где Баоцзы? Почему он до сих пор не прибежал и не начал просить еды, виляя хвостом у самого лица?

Цзю Син уже более осмысленно поднялся на ноги, забыв про телефон. Он оглядел помещение, где сейчас находился. То была деревянная комнатка с одной кроватью и странным больно низким столом, на котором раскрытым лежал дневник, а рядом валялась какая-то тускло-зеленая ткань.

Сердце бешено забилося.

– Может, это сон...

Цзю Сину показалось слишком глупо щипать себя, но все же он вытянул совсем незнакомую худую руку, под кожей которой даже были различимы зеленоватые вены, как и костяшки, если растопырить пальцы. Он слишком резко ущипнул себя и скривился, замахав кистью.

– А если это наваждение?.. Во сне же тоже можно придумать себе боль... Не помню...

Только сейчас он осознал, что голос тоже был не свой, и схватился за нижнюю часть лица. Нервно пробегая пальцами по лицу, он отметил, что много чего не совпадает. И зрение... Зрение было превосходным. Он видел все мельчайшие детали даже без очков.

– Да быть такого не мо... – он снова резко схватился за рот.

Привычка говорить с самим собой появилась у него очень давно. Но когда Цзю Син завел собаку, стало хотя бы казаться. Что его слышит кто-то другой, пусть и не может ответить. Он совсем и забыл, каково это говорить в пустоту. А, возможно, здесь был кто-то еще... Поэтому тем более нужно было замолкнуть!

Что-то легко стало ощущаться на плече. Молодой человек вздрогнул, боясь оборачиваться, но в моменте понял, что то были волосы... Он запустил руки назад, перебирая длинные пряди. Конец им он определил только у поясницы. Стоило отметить, что черные, как смоль, волосы были весьма приятны на ощупь. Сам Цзю Син уже давно привык к прическе, когда длина едва скрывает уши.

Подобная прическа очень нравилась его девушке. Когда они встретились он слишком давно не стригся, забывшись в учебе на медицинском. Лю Сян тогда сказала, что это выглядит мило, нужно только чуть подравнять. И с того момента Цзю Син не менял эту прическу четыре года.

Он оглядел тело, точно поняв, что резко не превратился в женщину. Наверно, это его бы очень огорчило и смутило.

Одежда тоже была странной. Как будто он находился в древности! Этот запах на верхней части, штаны без резинки... А если он и взаправду оказался в древности?.. Да нет, чушь.

Цзю Син мутно поднял тускло-зеленую ткань, от которой отпал второй лоскут, а потом и третий. Он расправил то, что осталось в его руках и действительно увидел халат!

– Твою ж мать... – удержаться от ругательства не вышло.

Молодой человек покрутил халат в руках, сомневаясь одеть его или бросить обратно. Его ли это вообще вещи? Хотя, конечно, не его! Он носил только джинсы, футболки и белый медицинский халат! Какое еще... Как его там называли? Ханьфу!

Даже Лю Сян, которая очень увлекалась культурой и историей, никогда не покупала подобного для встреч с единомышленниками или тем более повседневной жизни!

Едва поняв, где зад и перед, Цзю Син накинул халат на себя и еще около палочки благовоний разбирался, где кукую веревочку надо завязать. Потом что-то короткое оказалось поясом, с которым разобраться тоже прибавило хлопот. И бросив взгляд на вторую длинную ткань, он тяжело вздохнул. Но слава Богам, это была простая мантия! Он носил похожие кардиганы, но те были намного короче, да и рукава были уже...

Дальше его заинтересовал дневник. Возможно, именно там он смог бы найти хоть какое-то пояснение. Цзю Син посмотрел на низкий столик, решив все же просто забрать с него дневник и сесть на кровать, а не мучиться и вставать на колени в трех слоях одежды.

На форзаце нашлась подпись «Ю Тяньлян». Иероглифы были весьма красиво написаны. Возможно, этот человек ни один год занимался каллиграфией. Цзю Син обычно писал более размашисто, а из-за скорости некоторые линии сливались, потому даже он сам с трудом разбирал свой почерк. В школе на него очень много и долго жаловались из-за этого... Наверно, учителям кривые закорючки снились в кошмарах по сей день.

Выходит, дневник принадлежал некому Ю Тяньляну. Никакой информации это молодому человеку не дало. Но он неожиданно уловил схожесть происходящего с теми новеллами, про которые ему рассказывала Лю Сян. Они были про попаданцев – людей, после смерти переместившихся в другой мир... Но девушка заикалась о какой-то системе. Ну, звать ее Цзю Сян все же посчитал высшей глупостью. Хотя...

– Система?.. – едва ли слышно прошептал он.

Тишина. «Точно дурак!»

То, что никто не откликнулся неосознанно дало Цзю Сину выдохнуть. Попаданцами ведь становились мертвецы, обретшие второй шанс, а он, кажется, был жив, здоров еще вчера.

Цзю Син открыл последнюю запись в дневнике. Не стояло ни даты, ни заголовка, только черта в виде отступа. И писали, видать, то ли углем, то ли чем-то похожим.

«Сегодня пришел в небольшую деревню. Кажется, я движусь в сторону столицы. Наверно, стоит свернуть куда-то на запад, чтобы отдалиться или обойти ее стороной.

Старик, встретившийся мне по пути, говорил про тигра, выходящего на улицы. Надеюсь, не встречу его. Не хватало еще и с тиграми возиться. Живым вряд ли выйду.

«Скоро уже начнется сезон трав,» – подчеркнуто.

«Муцинь письма больше не шлет. Стало тревожнее. Я думал, что давно забыл про дом, похоже, врал себе.»

Ничего полезного и отсюда извлечь Цзю Син не смог. Этот Юй Тяньлян, видать, ушел из семьи, а теперь жалеет. Строчка про травы странная, да и подчеркнута для чего-то. Может, для него это было важно, но Цзю Сину было уже безразлично.

Он решил начать с первой страницы. Исписано было много, на чтение ушло бы не менее ши, но Цзю Син даже не знал сколько у него времени. Он ничего не знал...

От этой мысли в груди сало тяжелее. Но к чувству тяжести он уже привык, потому сжал челюсти и перелистал на начало. Но не успел Цзю Син начать, как в дверь, которую он до того даже не замечал, постучались. Дневник чуть не выскользнул из его рук. Он кинул его обратно и, встав на ноги, расправив одеяния, откашлялся и крикнул:

– Входите! – слово само сорвалось с губ по привычке.

Если бы сейчас он сидел за своим белым столом в куче бумаг и с перегораживающим обзор компьютером, было бы намного спокойнее. Без всего этого он чувствовал себя голым. А еще хотелось поправить очки, которых теперь на лице не оказалось.

Наверно, это то самое явление, которое называют профдеформацией. Раньше он иногда замечал за собой странные привычки, но они были столь незначительны, потому и смысла обращать на них не было.

Дверь со скрипом отворилась, в дверном проеме встала пожилая женщина, а за ней, кажется, остался еще кто-то.

– Господин Ю, доброго вам утра!

Цзю Син чуть потупился. Видать, он теперь и есть этот Ю Тяньлян.

– Доброго, – смешанно ответил он.

Женщина чуть притихла. Может, настоящий Ю Тяньлян поприветствовал бы по-другому? Но Цзю Син ведь совсем не знал, что это был за человек. Ю Тяньлян был Ю Тяньляном, а Цзю Син оставался Цзю Сином.

– Эта недостойная слышала, как вы с кем-то говорили. С вами все в порядке? – она бросила мимолетный взгляд на кровать, и Цзю Син, пристыдившись, сразу все понял и напрягся.

– Д-да, просто имею скверную привычку разговаривать с собой вслух...

Старушка улыбнулась и обернулась назад, позвав:

– А-Тянь, иди вперед, – она вывела вперед, придерживая за плечи, девочку лет четырнадцати.

Та нервно теребила край рукава и смотрела куда-то в ноги Цзю Сину, который попутал. Он в растерянности оглядел девочку и уставился на улыбающуюся старушку.

– Помните, вы обещали, что подумаете над моим приложением взять Фэн Вутянь в ученицы? Каково же ваше решение.

Цзю Син выдохнул. Нет, не сватают и ладно. Он еще раз взглянул на девочку. Выходит, Ю Тяньлян был учителем или кем? Не очень-то он был и похож по виду на ученого... Лю Сян рассказывала, что те носили какую-то определенную одежду. Конечно, молодой человек не помнил какую, но точно не ту, что была на нем сейчас.

Брать ребенка под свое крыло? Бедная Фэн Вутянь не переживет даже нахождения рядом с ним по виду. Возможно, дай ей волю, и она тут же убежит или заплачет, хватаясь за бабушку, куда же ей идти одной с незнакомым человеком. Хотя, может, Ю Тяньлян и был знаком ей, но точно не Цзю Син... И куда он уже собрался идти? Он еще даже не понял, где находится и почему. Этот сон стал казаться более реалистичным, что пугало...

Неожиданно женщина снова залепетала:

– Я же говорила, что она у нас сиротка... А содержать ее совсем некому. Я вот как-то стараюсь давать ей все самое лучшее, но вы же сами понимаете, Господин Ю? Что ей может дать старуха вроде меня? А я-то тоже совсем одна...

Цзю Син не смог слушать ее дальше и перебил:

– Хватит, я понял уже. Фэн Вутянь, так? – он подошел и присел перед ней. – Ты хочешь пойти ко мне в ученики?

Выглядело это, верно, очень странно. Цзю Син и сам это чувствовал, но делал с надеждой, что ребенок скажет «нет», и он сможет без обузы в виде лишней ответственности разобраться во всем происходящем.

У к горлу уже подступал ком, и от тревожности начинало подташнивать. Чувство весьма неприятное.

Фэн Вутянь подняла на него ясные глаза, полные сомнений. Чем-то Цзю Сину этот взгляд напомнил его собаку, Баоцзы. Он такими глазами смотрел на него, когда разодрал диван.

Если бы молодой человек мог, то попросил бы еще и старушку убрать руки с плеч девочки, чтобы та не чувствовала давления, и смогла сказать правду.

– Да, – все же тихо произнесла она.

Молодой человек понадеялся, что его лицо в этот момент не изменилось. Он поднялся, убрав надоедливые волосы за уши.

– Тогда... Да, я беру ее к себе, – сердце сжалось.

Девочку, безусловно, было жаль, еще и старушка так ужасно описала их положение. Бедная сиротка явно страдает по родителям.

Женщина неимоверно обрадовалась, и на лице ее отобразилось чистое счастье, что ни на шутку напугало Цзю Сина. Как можно радоваться тому, что избавилась от ребенка?

– Пойдемте, чаем вас угощу перед дорогой!

Молодой человек кивнул и последовал за ними из комнаты. Дом был полностью деревянный и между помещениями были слишком маленькие промежутки, чуть ли не в два шага. Как он отметил, спальни здесь находилось две и одна до абсурда маленькая кухня, где только едва и умещались стол, маленькие полки и печка.

Цзю Сину все же пришлось усесться в этих одеяниях на пол рядом со стеной. Пока старушка доставала с полки что-то вроде лепешек, а Фэн Вутянь грела воду, он думал. Самым непонятным ему стало открытие отсутствие чувства дискомфорта. Обычно даже в гостях у друзей Цзю Син не находил себе места. Наверно, все перебивала растущая тревога.

Наконец все было готово. Ему вручили кусок хлеба и поставили прямо перед пиалу. Цзю Син сразу понял, что не наестся. Пусть у него совсем не было аппетита, желудок вполне давал знать, что пуст.

Во время еды Цзю Син в тишине рассуждал о Ю Тяньляне. Кем он мог быть? Может, он бродячий учитель? Лю Сян очень много рассказывала ему о каких-то заклинателях, если и Ю Тяньлян им является? Тогда, где его оружие? Он писал что-то про травы... Точно! Неужто лекарь?

Молодой человек и сам был врачом, значит, особых отличий нет. Правда, он отучился далеко не на какого-нибудь фармацевта, а на аллерголог-иммунолога. Связи будто бы и не существовало. Хотя в школьное время Цзю Син увлекался биологией во всех ее направлениях, потому, наверно, должен был хоть что-то понимать в травах, да и общее медицинское образование никто не отменял.

Руки опустели как-то быстро. Он отодвинул от себя пустую пиалу, и не успел даже поднять глаз, как старушка заговорила:

– Господин Ю, спасибо большое, что помогли нам! Всей деревней благодарны! Так, какая же честь, что учиться у вас будет наша А-Тянь!

Цзю Син не понял, чего такого грандиозного сотворил Ю Тяньлян, но сдержанно кивнул, поднимаясь на ноги.

– Не стоит благодарности, – он с миг посомневался, к кому лучше обратиться и все же повернулся к Фэн Вутянь, – А ты пока иди собирайся. Я так полагаю, путь у нас не близкий.

– Да-да, А-Тянь, пойдем, – женщина повела ее во вторую комнату, на ходу приговаривая, – Хоть мир повидаешь...

А Цзю Син вернулся к себе. Он снова мутным взглядом оглядел комнату. Волосы уже который раз упали на лицо, он не выдержал и нервно взъерошил их. Молодой человек стал искать карманы, где могла бы найтись резинка или заколка, но не нашел ни того, ни другого.

Только потом он вспомнил про рукава, где по рассказам Лю Сян в Древнем Китае носили что не попадя. Цзю Син наконец-то нащупал ленту.

– Неужели этим... – он осекся.

Нужно было избавляться от этой вредной привычки!

Цзю Син пальцами расчесал волосы и кое-как завязал их в низкий хвост. Но теперь в лицо лезла из неоткуда взявшаяся челка!

Способов убрать ее он не придумал, потому решил уже хотя бы так убрать за собой. Даже со зрением «минус три» он видел лучше, чем с волосами на глазах.

Кровать была заправлена, а дневник спрятан за пояс. Больше ничего «своего» Цзю Син не обнаружил.

Он встал посреди комнаты, не зная, куда деться.

—

За дверью по коридору слышался четкий стук каблучков. Уже засыпающий за отчетами Нин Вэйхуа даже не обратил на них внимания, пока к нему в кабинет не раздался стук. Генерал согнал с глаз сон, выпрямил спину и поправил одежды.

– Заходите.

На пороге показался посланник, верно, императорский... Нин Вэйхуа вздохнул и принял от него письмо, после чего гонец сразу же удалился. Читать известие от Императора совершенно не было желания. Ни о чем хорошем он явно не стал бы писать генералу. Потому он отложил его на утро. Все равно ответ он не смог бы послать сейчас. Уже за окнами стоял мрак. Скорее всего пол имения забылись во сне, а он до сих пор разбирался с накопленной работой.

Покончив уже к полуночи со всем, Нин Вэйхуа вернулся после купальни в покои, готовый ко сну. Он скинул одежды и заметил, как что-то выпало из рукава. Пришлось наклониться в поисках пропажи.

Зацепив бумажку, Нин Вэйхуа поднес ее к горящей свече и узнал императорское письмо. Может, это был знак прочитать его здесь и сейчас? Все равно и так, и так спать он будет неспокойно. Отправку проверять города никто не отменял. Ближайшие дни он скорее всего и глаз не сомкнет в чужих домах.

Генерал сел на кровать и развернул листок:

«Достопочтенный генерал Нин, пишем вам с целью предупреждения. Ныне на границах заметили странное движение. Говорят, люди Синьюэ бегали у границы. Мы, конечно, лишь издали наблюдаем, но начинаем тревожиться. Мы думаем скоро начать тайную подготовку вооруженных сил для сохранения безопасности. Прошу вас, генерал Нин, соблюдать осторожность и бдительность. В скором времени Мы, возможно, вызовем вас, будьте готовы.

Со всем почтением, Ван Цзиньхао.»

(«Мы» – Император говорит о себе от лица народа.)

Нин Вэйхуа долго смотрел на имя Императора. Сейчас он пожелал бы, чтобы это послание оказалось частью сна, но все ощущалось больно реалистично. Пусть он и был генералом, все же вместе с тем являлся и человеком, который хочет достичь одного – покоя. А после кровавых войн перед глазами то и дело всплывают образы изорванных тел, лица, искаженные в ужасе, и смерти близких.

На поле боя и его когда-нибудь встретит смерть. Он не просто предполагал об этом, не верил, а знал.

Подставив бумажку под огонь, генерал едва ли успел отдернуть руку прежде, чем пальцы обожгло.

Устроившись глазами в потолок, Нин Вэйхуа пролежал так точно ши, а после тревожно предался поверхностному сну. Уже седьмой год ему снилось война, где он впервые осознал свою участь.

Глава 2. Воспоминаниям — покой, а прошлому — забвение.

Цзю Син растерялся. Он не мог определиться оставаться ли ему дальше в комнате, выйти из нее или вообще подождать Фэн Вутянь у входной двери, чтобы сразу осмотреть здешние пейзажи.

В конце концов он неуверенно сел на кровати и достал дневник Ю Тяньляна. Его до сих пор интересовала первая запись.

«Вчера на все решился. Жаль, перепутал дневники и взял этот. Наверно, когда найдут мои записи с помыслами о побеге, то точно все поймут. Хотя меня уже раскусили.

Бяоди зачем-то зашел ко мне вечером. Он увидел сборы. Мы поругались. Я хотел уйти незаметно, но он порушил все мои планы. Не знаю, расскажет ли он на утро все муцинью или скроет мою тайну до поры до времени, но я в нем не уверен. Лишь бы не послали ищеек раньше, чем я хотя бы покину город.

(Бяоди – обращение к младшему двоюродному брату по материнской линии.)

(Муцинью – официальное/уважительное обращение к матери.)

Пока что нахожусь на окраине, думаю, ближе к рассвету пойду по лесной дороге в сторону южных деревень,» — в этой записи почерк чуть отличался, шел мелкой дрожью.

Текст оборвался чертой. Начался новый:

«На рассвете обнаружила стража, патрулируемая город. Стала выяснять, почему так поздно брожу по улицам, кто такой есть, почему глаза пугливые. Я на ходу выдумал имя «Ю Тяньлян». По мне довольно красивое. Но страже оно, видеть не понравилось, и они решили под руку увести меня. Не знаю, каким чудом сумел отвертеться, представившись путешествующим лекарем.

(Ю (кит. #) — южнокитайская фамилия. Словарное значение иероглифа — «выдающийся».

Иероглиф «Лян» означает «светлый», «добрый».

Тянь (#) в переводе с китайского означает «небо» или «вселенная».)

А я ведь действительно хотел быть ле...»

Услышав шаги, Цзю Син вздрогнул, тяжело вздохнул и спрятал дневник обратно за пояс. Какая-то странная картина стала складываться в голове... Как будто он что-то похожее уже знал, помнил. Но Лю Сян точно не могла рассказывать подобных историй. Она любила больше говорить про заклинателей, Императоров, а не обиженных на семью мальчиков, которые пристыженно сбегают из дома и скрываются, притворяясь и называясь иным именем.

Точно! У него над дверью из кабинета вместо привычных, как у всех, часов висела картина. У нее еще под рамой поблексивала надпись: «Прославленный лекарь, будучи сбежавшим сыном, берет в ученики девушку-сироту.» Кажется, эта картина висела у него с самого начала.

И все же таких людей, как Ю Тяньлян, Цзю Син не понимал. У него тоже были немалые разногласия с семьей. Но со временем он смог все уладить и объяснить свою позицию, которую поняли. А этот... Пусть уже будет Ю Тяньлян... пошел путем слабых. Конечно, кто знает, что сделал бы сам Цзю Син, если бы его мнение все же отец не принял бы, но... Отец!

Он хотел позвонить матери по поводу отца!

Молодого человека взяла мелкая дрожь. Что же он наделал?..

Тут же дверь отворилась. Уже даже без стука.

— Господин Ю, Фэн Вутянь собрана! – проговорила все так же радостно женщина.

Молодой человек посмотрел на зажатую девочку, которая случайно встретилась с ним глазами. Наверно, ее жалобный взгляд сейчас не так далеко ушел от горького взгляда Цзю Сина.

Впрочем, последний быстро взял себя в руки, подавив все чувства. Он встал, выпрямив спину, и прошел к двоим.

— Ну, пойдёмте.

Пусть голос чуть выдавал его, старушка, кажется, ничего не заметила и своего радостного настроения не сменила. Цзю Сину захотелось на это фыркнуть и закатить глаза, но он сдержался.

Они вышли на крыльцо. Молодого человека уже не так сильно волновал вид, открывшийся ему. Женщина подтолкнула Фэн Вутянь к нему. Та явно была не в восторге. Но делать было нечего, она сама согласилась. И Цзю Син тоже уже не мог отказаться от своего решения. Он поклонился:

— Благодарю за гостеприимство и приют.

— Господин Ю, ну не стоит! Вы нам так помогли!

Цзю Син слабо улыбнулся, переступая через себя. Пауза как-то длинно затянулась. В конце концов он отвернулся и пошел куда-то в сторону, поглядывая, чтобы Фэн Вутянь успевала за ним.

Лицо девочки было донельзя грустным, глаз она не поднимала от земли, и ее незаплетенные волосы занавесом опадали вниз, делая из нее призрака. От этого вида Цзю Сину стало еще противнее на душе.

Заговорить он сам боялся, притом и сама девочка была неразговорчива. Разговора бы заведомо не вышло. Если бы тогда она не произнесла бы короткое «да», он явно посчитал бы, что она нема. Друзья, учащиеся на факультете психологии, рассказывали, что подростки могут от шока или уныния замолкнуть. Наверно, это был случай Фэн Вутянь.

Жаль, сам Цзю Син был более чем осознанным, чтобы не поддаться такому. А он сейчас переживал такое горе... Он пропустил те несколько звонков матери... Намеренно... А она написала: «У отца остановилось сердце. Я хотела обсудить похороны.» Молодой человек тогда от злости на себя разбил телефон. Стекло полностью треснуло, и сколько не нажимай на кнопку включения и выключения, экран оставался черный, и Цзю Син видел в нем свое искаженное лицо...

Резко он запнулся о камень и очнулся от мыслей. Цзю Син ведь совсем забыл про записи Ю Тяньляна. Он же хотел пойти на запад, значит, надо хотя бы послушаться его последних заветов.

И напроць забыв, что стороны света определяются не так просто, Цзю Син решил, что север прямо перед ним, выходит, запад по левую руку, и на ближайшем повороте налево надо сворачивать.

Раньше в лес его водила Лю Сян. Ей очень нравилась природа. Наверное, девушка была первым человеком, который открыл глаза Цзю Сину на мир. Он, который думал, что весь смысл в труде и достижении им успехов, начал задумываться о прекрасном. Впрочем, именно благодаря ей в его кабинете появилась та самая картина.

Вскоре появился поворот налево. Цзю Син посмотрел вдаль на продолжающуюся дорогу, а после проговорил для Фэн Вутянь:

— Свернем сейчас, а дальше, думаю, вскоре сделаем перерыв. Ты как, не устала?

Девочка, плетущаяся сзади, напугалась, что на неё обратили внимание и подняла тревожный взгляд на своего новоиспечённого учителя.

— Н-нет...

В правдивости её слов Цзю Син не был уверен, потому что уже он сам еле перебирал ногами.

За поворотом дорога оказалась не уже. За всё время, пока они шли, рядом всего раза четыре кто-то проезжал. Цзю Сина это беспокоило, он слишком привык к оживлённым улицам, шумящим дорогам, на которых вечно стояли в пробке гудящие машины. Он сам хотел

себе купить автомобиль, чтобы было удобнее добираться до работы. Даже начал копить. Но, видимо, ему этого уже не нужно...

Почему он вообще здесь? Он под грузовик не попадал, в воду не прыгал, током его не било, самоубийство делать тоже не планировал... Он был жив! Или всё же не совсем..?

Цзю Син напрягся, вспоминая всё, что происходило с ним в тот роковой день.

Тёмный кабинет. На столе горит одна лампа. Он перебирает бумаги, проверяет отчёты, уже готовясь идти домой. Без конца названивает мать. Как она не может понять, он на работе, занят!

Потом Цзю Син обращает внимание на мёртвого мотылька под лампой. От головной боли он хочет лечь так же. После медицинского от напряжения голова болела постоянно, а обезболивающее пить каждый день запрещали. Да и он сам понимал, что нельзя.

Он отводит взгляд, встаёт с места, чтобы наконец одеться и уйти с больницы. Все бумаги аккуратно сложены на столе по именным папкам.

Цзю Син, собравшись и попрощавшись со всеми, кто оказался таким же невезучим и работает до поздна, выходит на улицу. Холодно. И не удивительно, ведь только-только закончилась осень, а на нём всё ещё лёгкое пальто, под которым он носит единственный тёплый свитер.

Стоя на автобусной остановке, молодой человек достаёт телефон. На экране отображается много пропущенных от матери. Где-то около восемнадцати... А потом сразу же приходит сообщение. Сердце пропускает удар.

Он долго смотрит на него, руки трясутся. Цзю Син ведь так давно их не навещает, а мать чуть ли не каждые выходные завет приехать. Пусть с отцом у них всё ещё остаются натянутые отношения, родным человеком он быть не перестает.

Из-за злости на себя Цзю Син замахивается и кидает телефон прямо об асфальт. Экран вдребезги. Какая-то девушка, сидящая на скамье позади с ужасом смотрит на него, но молчит и в конце концов отводит взгляд.

Приезжает переполненный автобус. Цзю Син уже не чувствует ни страха, ни печали. Во рту просто стоит надоедливая горечь.

Потом он кричит на случайно толкнувшего его мужчину, который хотел пройти и заплатить за проезд. Люди возмущаются, а какая-то женщина с двухлетним ребёнком начинает поучать Цзю Сина так, что голова у того болит только сильнее.

Он не выдерживает и выходит за две остановки до своей. Идти около кэ. Голова раскалывается, в ушах шум, в горле ком, очки постоянно запотевают, оттого Цзю Син чувствует себя слепым котенком. Есть навязчивое желание забиться в угол.

Заносит в придомовый алкогольный магазин. Он покупает что-то очень крепкое, но дешевое. Приходит домой. Баоцзы радостно встречает его до того, как замечает настроение своего хозяина. Тот отпихивает от себя собаку, кричит на нее. И она уходит в угол, скуля.

Нет, он не бьет ее, просто толкает, отвергает.

Цзю Син пьет. Много пьет. Голова до сих пор болит, и это раздражает его. От истерики становится только хуже, и он идет за аптечкой... А, точно, звонит Лю Сян по домашнему телефону. Она возмущается, а потом говорит что-то про море, и на фоне слышится мужской голос... Цзю Син бросает трубку, возвращается к аптечке, ищет обезболивающее...

— Эй! Смотри, куда идешь!

Цзю Син резко очнулся от воспоминаний и оглянулся назад, откуда раздался крик. Он увидел едущий обоз и Фэн Вутянь, которая, напугавшись, застыла на месте перед ним. Цзю Син быстро вернулся к ней, коря себя за неосмотрительность, и утянул за руку к краю дороги, крикнув проезжающему:

— Это ты смотри, куда едешь! Чуть ребенка не задавил!

Но, наверно, мужчина его уже не слышал, а, может, просто не решился ответить, подумав, что продолжать спор бессмысленно.

Цзю Син же взглянул на девочку. Пришлось чуть наклониться, чтобы оказаться на одном уровне с ее лицом.

— Ты чего на дорогу-то вышла? — постарался сказать он более мягко, смотря ей в отведенные глаза. — Нужно быть осторожнее.

Еще он воспитанием детей не занимался! Какой ужас! Она же трясется, как осиновый лист! Да и у него самого пальцы подрагивают...

Фэн Вутянь молчала, а потом молодой человек заметил, как на ее щеке что-то блеснуло. Он занервничал, не зная, что делать.

— Пора сделать остановку. Найдем какую-нибудь корягу, сядем, отдохнем...

Цзю Син огляделся по сторонам, всматриваясь в лесную чащу, пока не зацепился взглядом за поваленное дерево неподалеку. Он повел Фэн Вутянь через бурелом и усадил на него, а сам сел на землю напротив. Все равно девочка то и дело смотрела вниз, может, на этот раз хотя бы заметила его.

Конечно, сейчас бы молодому человеку не помешала бы помощь знакомых психологов. Эти люди все уладили бы не быстрее, чем сгорела бы палочка благовоний. Он бы и сам не отказался поговорить с ними.

С детьми он никогда не ладил. В последние месяцы Лю Сян настаивала, чтобы они наконец съехались и начали думать о детях. Тогда же Цзю Син еще считал, что готов к совместной жизни и детям, а сейчас ощутил полную неуверенность в себе. Ему ведь было уже двадцать семь, но вел себя он не лучше подростка.

— Ты меня не бойся. Я понимаю, что ты совершенно не знаешь, кто я. Но и ты пойми я тоже переживаю. Если тебе что-то не нравится, что-то тревожит, Фэн Вутянь, ты можешь сказать это мне. Я тебя выслушаю и приму решение для твоего комфорта, — он произнес все на одном дыхании.

Молодой человек сжал руки в кулаки под длинными рукавами. Все же в них было некое удобство. Фэн Вутянь глянула на него мельком. Она вытерла лицо и уперлась им в ладони, наконец заговорив:

— Все в п-порядке... — Цзю Син едва ли различал слова. — М-меня все устраивает... И-извините...

Он сжал губы в тонкую полоску.

— Тебе не за что извиняться. Тем более слезы это не стыдно.

Сам бы Цзю Син сейчас расплакался, если бы позволил себе. Но ему нельзя было показывать собственную слабость перед ребенком. Конечно, возможно, Фэн Вутянь тогда станет ему больше доверять, но он явно потеряет авторитет в ее глазах.

Тяжело вздохнув, Цзю Син поднялся с прохладной земли и тоже сел на ствол упавшего дерева.

— Ты боишься, так ведь? Переживаешь? Для человека абсолютно нормально испытывать чувства. Я заметил, как в доме тебя сильно ограничивали. Ты точно хотела идти со мной? — Его сильно волновало последнее.

Фэн Вутянь долго молчала, все так же закрывая лицо. Она не издавала ни звука. Цзю Сину оттого стало не по себе. Он решил, что сказал все слишком резко, и прозвучало это, как способ отказаться от девочки. Пусть молодой человек с радостью бы это сделал раньше, сейчас уже понимал, что поздно. Он не изверг — не прогонит ребенка.

Неожиданно Фэн Вутянь сгорбилась. «Приняла еще более закрытую позу,» — скорее всего, так бы описали это действие те самые знакомые психологи. Почему-то Цзю Син стал слишком много на них ссылаться. Наверно, их помощи ему очень не хватало.

— Я-я просто боюсь... Тетушка Ян... Она взяла меня из чувства долга под опеку. Я ей была не нужна... А в-вы... Вы тоже взяли меня по просьбе...

Цзю Син сглотнул. Он взял ее из-за сострадания к тяжелой судьбе. Не по просьбе. Да, он сразу понял, что старушка давит ему на жалость, лишь бы отдать ненужного ребенка, но ведь это было его, пусть и не совсем осознанное на тот момент, решение. Наверно, Ю Тяньлян тоже не прошел бы мимо брошенного, никому не нужного ребенка. Хотя откуда Цзю Сину знать, что сделал бы этот дурак. Если у него не хватило характера и силы воли вытерпеть жизнь дома и привести все к лучшему, то, что говорить о взятии под ответственность ребенка.

Молодой человек подумал, что все же как-то резко отозвался о Ю Тяньляне. Он же его не знал, тогда почему строил плохой образ, когда лекарь всем, похоже, нравился? Может, он ему просто завидовал? У Ю Тяньляна получилось сбежать, а ему от безысходности пришлось искать компромисс...

— Нет, я в странствие с собой не взял бы человека, если бы меня просто попросили. Ты же помнишь, я спросил у тебя самой о желании. Если бы ты отказала, я бы не стал больше предлагать.

Фэн Вутянь неожиданно чуть не упала, соскользнув. Ей пришлось распрямиться и убрать руки от лица. Чтобы удержаться и сесть обратно.

Она тревожно посмотрела на Цзю Сина красными от слез глазами и напряглась.

— В-вы не лжете?

Молодой человек встретился с ней взглядом.

— Нет, мне незачем лгать.

Дальше они просидели в тишине около палочки благовоний. Цзю Син отметил, что хлеб давно переварился. Фэн Вутянь явно тоже уже проголодалась, но в таких условиях молодой человек даже не представлял, как можно добыть еды. Придется терпеть до того, как они доберутся до первого населенного пункта. Там уже можно будет что-нибудь купить... А были ли у него вообще деньги?

Цзю Син только сейчас задумался, на что жил Ю Тяньлян. У него же ничего даже с собой не было, кроме дневника и ленты для волос.

Понадеявшись, он стал снова шариться в рукавах, мечтая, чтобы при поиске ленты деньги просто потерялись в складках, и поэтому он их не заметил. И вправду он поймал в одном рукаве две монетки, а другом – пять.

Вытащив их, он заметил три серебряные, а остальные, видимо, были медные. Возможно, даже хватит на что-то простенькое. А потом уже придется озадачиться поиском работы... Почему Цзю Син об этом думает? Может, он уже через пару мгновений откроет глаза в своей квартире, хотя логичнее было бы ему при пробуждении увидеть белый потолок и услышать плакающий звук электрокардиографа.

(Электрокардиограф – прибор, который регистрирует частоту и ритм сердечных сокращений, используется в больницах, в том числе в отделениях кардиологии, реанимации, хирургии, скорой помощи.)

Какой же дурак будет пить таблетку от головной боли пьяным? Лучше бы Цзю Син этого не вспоминал.

После этого он встал первым, подгоняя Фэн Вутянь идти дальше. Она стала такой же молчаливой, но главное, что молодой человек хоть единожды вывел ее на беседу и постарался внушить, что все было сделано не из-за чей-то просьбы. Это было большим достижением и огромным шагом для получения доверия ребенка!

Они вышли обратно на дорогу. Цзю Син молился, чтобы к ужину они куда-то дошли. Спать с пустым желудком в лесу он готов не был. В общем, во все происходящее не верилось. Он до сих пор не мог осознать, что произошло. И все еще оставалась угасающая надежда, что все это нереально, а лишь Лю Сян замучила его этими заклинателями, историей и детьми, и

потому теперь ему снится такое... Хотя ощущалось все слишком реально, и это все больше и больше пугало Цзю Сина.

Он мечтал, чтобы на самом деле тот день был, как и тысяча других дней: без пропущенных звонков от матери, того сообщения об отце, измены Лю Сян и глупых поступков...

Дорога перед глазами внезапно потемнела и смазалась. Цзю Син с силой надавил и потер глаза, убеждая себя, что еще не время поддаваться панике, подступающей к горлу.

Глава 3. Все дороги ведут в Янгуан.

Они шли уже слишком долго. Время незаметно перевалило к закату. Небо окрасилось блеклым желтым и медленно краснело. Фэн Вутянь уже шла рядом с Цзю Сином. Неизвестно, боялась ли она снова сделать что-то не так, смирилась ли или наконец доверилась молодому человеку, но этот жест хотя бы помог ему следить за ней, не оборачиваясь назад каждый фэнь.

Цзю Син к этому моменту был чуть ли не в предобморочном состоянии. С утра до вечера его таскала только Лю Сян. Она любила гулять с единственной остановкой на кафе, которая не длилась больше половины ши. Обычно после таких прогулок он на следующее утро с трудом поднимался с кровати, едва ли чувствуя изнывающее тело, а потом еще дня четыре приходил в норму. Наверно, завтра он даже не сможет подняться на ноги. Как вообще этот маленький человек, идущий рядом, так легко держался? Хотя и на лице Фэн Вутянь уже стала виднеться неприкрытая усталость.

Вот же он злодей! Мучает и бедную девочку, и бедного себя!

Возможно, люди здесь привыкли к большим нагрузкам. Их работа по большей части физическая, особенно у простых деревенских. У них нет навязчивых телефонов и гаджетов в общем – того, по чему Цзю Син так скучал. Асфальтированных дорог и транспорта тут явно не хватало тоже.

В голову молодому человеку пришла по истине чудесная мысль: встретить повозку и договориться с извозчиком, чтобы тот довез их до какой-нибудь деревушки, а если свезет, то и города. В городе можно будет уже что-то придумать, хотя и в деревне, возможно, получится напроситься на одну ночь, сославшись на измотанного ребенка. Ну и везде должна сыграть репутация Ю Тяньляна, конечно! Если его везде хвалят так же, как и хвалила та женщина, то ночлег будет обеспечен!

С каждым шагом ноги, как и веки тяжелели. Глаза уже начали сами собой закрываться. Интересно, возможно ли заснуть на ходу? Иметь такую способность ему не помешало бы.

Цзю Син не хотел просто так останавливать ход по причине своей усталости, потому обратился к Фэн Вутянь:

— Ты как, не устала еще? Мы уже достаточно долго идем.

Девочка же, смотря куда-то вдаль, ответила:

— Я в порядке, — говорила она до нельзя тихо, потому Цзю Син еле расслышал слова, тут же расстроившие его.

— Скажи, когда устанешь, мы остановимся.

Он надеялся, что остановятся они раньше, чем солнце уйдет за горизонт, но переживал, что стеснительная Фэн Вутянь побоится сказать о своем состоянии первой первой.

Как оказалось, она была выносливее самого Цзю Сина. Но то было на самом деле ожидаемо. Молодой человек за свою жизнь в сумме занимался спортом всего года два. Ходил тоже от дома до магазина в основном, а в остальных случаях предпочитал транспорт. В походах или долгих прогулках он всегда был инициатором сделать остановку или посидеть в кафе. Лю Сян всегда из-за этого возмущалась...

Все же, видимо, Фэн Вутянь набралась смелости и через полши попросила отдых. Они нашли валун, стоящий на обочине. И оба сели, оперевшись на него.

Цзю Сину быстро надоело смотреть в одну точку и думать о происходящем. Мысли хотелось чем-то перебить. Собеседник рядом находился такой себе, потому он снова взялся за дневник. Читать всю историю Ю Тяньляна сейчас ему было не особо интересно, потому он открыл середину и нашел начало новой записи.

«Пишу утром. Как-то давно не открыл дневник. Совсем забыл о нём. Но это не значит, что прекращу. Вообще, не знаю, зачем исписываю и трачу бумагу. Для меня это способ успокоиться, но с таким же успехом я могу поговорить с кем-то, кто встречается на пути.

Вчера, к примеру, третий раз в жизни увидел заклинателя. Это был очень приятный мужчина средних лет.

Из-за наёмного заклинателя муцинь у меня сложилось нехорошее мнение о этих людях. Что есть их силы и способности? Пока не столкнешься напрямую - не поймёшь. И я до сих пор не понимаю, но это понимание мне скорее бесполезно, чем полезно.

Ещё дня три назад получил письмо от муцинь. Не знаю, к чему она мне пишет о доме. Я предпочитаю не отвечать. Ещё давно я понял, что эти письма как раз помогает ей слать этот наёмник. Конечно, без них жилось бы проще.

Я так и не могу забыть свой дом даже спустя два года после ухода.»

Цзю Син вздохнул и открыл запись подальше. Даже видеть слово «дом» было невыносимо.

«Меня стали узнавать люди. Никогда не думал, что всё дойдёт до такого. Ю Тяньлян по истине стал народным героем. Как говорят: «Спасает людей ни за что.» Слава Богам, муцинь не знает, что я и есть он. Она никогда этого не упоминала в своих письмах, а зная её характер, точно подметила бы...»

Цзю Син набрал воздуха в легкие от возмущения. Опять про мать! Ну Ю Тяньлян у тебя больше тем не было? Ещё и спрашиваешь, почему дом родной не позабыл! Да ты его постоянно вспоминаешь сам!

Молодой человек посмотрел на дорогу перед собой, а потом убрал дневник обратно за пояс. Эти записи делали ему только больнее. От них незаметно, но верно наворачивались слезы на глаза.

И все же от скуки и безделья решив дать ещё один шанс дневнику, Цзю Син перевернул ближе к началу, склоняясь.

«Муцинь никогда не оглашала, кем является. Почему-то все, что я слышал, было исключительно об отце. Но именно она же явно никак не относилась к его делу.

Мне всегда было интересно знать, кто на деле муцинь. Может, знание о ней помогло бы мне когда-то опорой. Спросить, конечно, я всегда боялся...

Но в то же время муцинь вечно тянуло к заклинателям, заклинаниям. Может, она тоже была заклинателем? Странно. Тогда, почему она об этом молчала? Заклинателей не так много, и они достаточно ценятся. Где-то их готовы на руках носить...

Иногда думаю о своем происхождении и чувствую себя никем... Я не смог стать достойным наследником отца, а вторую сторону даже не знаю.»

Нет, Ю Тяньлян, прости, но история у тебя больно печальна.

Цзю Син только сильнее пал духом. На горле и так затягивалась петля, а к тому еще и кошки скрести душу стали больнее. Он глянул на Фэн Вутянь, полулежащую чуть в стороне.

— Как ты относишься к лекарственному делу? — Какой бы не был собеседник рядом — Цзю Сину стало все равно, нужно было заглушить разбушевавшиеся чувства.

Девочка, кажется, уже готовая спать прямо на земле, очнулась и растеряно посмотрела на Цзю Сина. Её взгляд держался очень слишком долго и едва ли становился ясным, потому молодой человек решил, что его не расслышали и повторил:

— Как относишься к лекарственному делу?

Фэн Вутянь суетливо села прямее и впопыхах ответила:

— М-мой отец был лекарем в нашей деревне... Я смыслю в этом.

Неожиданно. Цзю Син и не подумал бы, что эта девочка так быстро начнёт говорить что-то о себе. Хотя, возможно, на деле она была далеко не таким закрытым и отстранённым человеком, как он решил с самого начала.

— Вот оно как. Тебе это нравится? Ну, собирать травы, помогать людям, делать отвары...

Он хотел бы расспросить её и про отца. Стало интересно, что с ним произошло, раз в деревне понадобилась помощь «Великого лекаря всея мира, Ю Тяньляна». Но Цзю Син не решился лезть к ребёнку с вопросами, которые явно вызовут негативную реакцию. Всё же что-то в людях он понимал...

— Я мало помогала ему. О-он часто не хотел м-меня брать с собой. Н-но... Мне хотелось бы помогать людям... Приносить пользу, — последнее она произнесла намного тише.

Цзю Син вздохнул. Сам он стал врачом, потому что любил естественные науки. Они вызывали у него сильный интерес. Иногда даже безумный. О людях тогда он не особо задумывался, если честно. Лечение? Нет, живое изучение.

А про пользу... Должно быть, он был большим эгоистом, раз его никогда не посещала мысль об этом. Но то его и сейчас не волновало. Главным было выжить, а остальное второстепенно.

— Ну, тебе очень повезло с учителем. Не уверен, что смогу дать достаточно, но постараюсь.

Девочка вздохнула и села к нему чуть ближе, теребя край рукава пальцами.

— В-вы же лечите, да? Кто вас так научил?

Цзю Син нервно сглотнул. Его самого учили школьные учителя, далее профессора в университете, а потом он сам читал книги и разбирался в прочитанном. Всё слишком типично. Но ведь Ю Тяньлян явно не проходил это всё. Впрочем, писал он только про отчий дом, страдая о нём, потому скорее всего и учителя не имел, а то и на него ссылался бы.

— Я учился сам, по книгам, — ответ вышел слишком сухим в виду незнания, что сказать ещё.

Глаза Фэн Вутянь странно блеснули.

— Сами? — переспросила она.

— Сам.

Где-то вдалеке едва различимо что-то застучало. Цзю Син не сразу понял, что происходит, а после заметил повозку, которую тяжело тащил бык. Молодой человек от счастья подскочил на ноги, забыв про усталость, и вышел чуть ли не на середину дороги.

О, чудо! Кто бы мог подумать, что судьба к нему настолько благосклонна, что послала телегу именно сейчас!

На выступе для сидения нашёлся мужчина лет пятидесяти. Он держал поводья, закреплённые так, чтобы было удобно управлять быком, и что-то пел себе под нос, как различил Цзю Син, когда повозка оказалась уже совсем рядом. Тогда мужчина резко оборвал напев и громко крикнул:

— Иди с дороги! Чего встал?! Сейчас раздавлю!

Цзю Син даже с места не сдвинулся и принялся за свой хитрый план:

— Остановите, пожалуйста! Нас всего лишь до ближайшей деревни или города подвезти!

Еще немного и бык ровно врезался бы в обезумевшего от радости молодого человека, который выбрал стоять до последнего, но извозчик приостановил животное, похоже, даже незамечающее достаточно весомое препятствие...

Цзю Син, окрыленный удачей, в свою очередь прошёл к мужчине, продолжая упрашивать:

— Пожалуйста! Мы тихие, спокойные! Мешать не будем! Нам просто нужно к людям попасть из лесу! Боюсь, до ночи выйти отсюда не успеем! А я с ребенком!

Фэн Вутянь, поняв, что нужно подойти к учителю, поднялась и незаметно оказалась рядом.

— Да вы мне всю телегу займете! Куда мне вас? — возмутился в свою очередь скрививший лицо извозчик.

— Да нет, мы сядем в углу, а если что, и ещё подвинемся, да, Фэн Вутянь? — он посмотрел на девочку, которая вмиг напряглась, испуганно вытаращив глаза.

— Д-да...

Мужчина фыркнул. Он оглядел их, а после закатил глаза и таким же недовольным тоном сказал:

— Боги с вами, садитесь, — он резко посмотрел на уже уходящего радостного Цзю Сина и окликнул его, — Эй! Ты! Стой! Так, куда вам хоть?! Поточнее скажи, а?!

Молодой человек вздрогнул и обернулся, доброжелательно улыбаясь.

— А вы до куда?

Мужчина фыркнул.

— До Янгуана! К полудню там уже буду. Вам туда?

Цзю Син задумался.

— Солнечный свет... Интересное имя для города... Солнце часто, наверно... — пробубнил он себе под нос, размышляя.

— Что ты там себе под нос бурчишь?! Ну?

Цзю Син снова понял свою ошибку и прикрыл по привычке нижнюю часть лица рукой, подняв взгляд на извозчика.

— Да-да, мы с вами до туда, — махнул он рукой, — спасибо вам большое.

Они с Фэн Вутянь сели в открытую телегу, где на полу лежали в разброс остатки сена. Цзю Син нашел удобное положение у стенки, когда девочка облокотилась на противоположную. И тут повозка двинулась, резко рванув вперед. Сильно затрясло.

Цзю Син привыкал недолго. Он решил пока снова взять дневник — жизнь его ничему не учила — в руки, открыл даже какую-то страницу, но глаза бегали по словам, а те совсем не воспринимались. Молодой человек уже третий раз перечитывал первый абзац и не улавливал сути... В конце концов он решил прикрыть глаза на время, чтобы дать им отдых. И заснул.

—

Уже совсем скоро экипаж должен был подойти к ещё одному назначенному городу. Нин Вэйхуа до приезда вспоминал по давним записям, какое положение занимал этот город раньше, кто его представлял и почему.

Впрочем, здесь ему нужно было проверить списки населения, тюрьмы и самого главного дома, где проживает нынешний градоначальник.

Сверяя с данными ему от Императора сведениями, генерал заметил несходство с личностью управляющего городом. Странно, но о смерти предыдущего он совсем не помнил.

— Цзымо, — обратился он к своему подручному, — А когда успел отправиться на тот свет управляющий города Янгуан Ли?

Вэй Цзымо, который являлся далеко не политиком, не военным, а настоящим заклинателем, не должен был оказаться на должности при дворе. Но так сложилась, что друг детства, с кем их пути разминулись, пригласил его однажды к себе, а потом предложил посодействовать в одном деле, косвенно связанном с заклинателями. И с того момента Вэй Цзымо работал на две стороны: императора и главу клана. И этим другом детства, конечно, был Нин Вэйхуа.

— Градоначальник Ли? А он умирал разве? Хотя... Кажется, в прошлом году что-то писали.

Генерал вздохнул, откладывая бумаги.

— Ну, разберёмся.

Вэй Цзымо глянул на отложенные бумаги и спросил:

— А сейчас там градоначальник его сын?

Нин Вэйхуа нахмурился, снова хватаясь за листы.

— А у него был сын? — он пробежался глазами по тексту ещё раз. — Тут он не упоминается. Градоначальник сейчас Хай Син. Кажется, он был помощником до этого, да?

Генерал тяжело вздохнул и откинул голову назад.

— Боги, ну что происходит?.. Я так понимаю придётся всё разведывать, когда приедем. Что ещё за самодеятельность, Цзымо? — вопрос был риторическим, потому Вэй Цзымо счёл правильным промолчать.

Ещё на проходе через ворота города заметно было, как мечется стража. Нин Вэйхуа это не радовало. Он рассчитывал, что спокойно проедет по всем городам без помех, но у судьбы, как оказалось, были иные планы, несхожие с его.

Карета прибыла прямо к главному дому, чуть ли не к порогу. Ещё подъезжая, генерал приметил небольшую кучку людей, прямо перед которыми остановилась карета.

Нин Вэйхуа принял невозмутимый вид, спускаясь на землю. Прямо перед ним оказался тот самый Хай Син. Его лицо всплыло в памяти само. На вид это был мужчина лет сорока с хитрыми глазами. Одет он был достаточно богато, не уступал придворным уж точно. Мысленно генерал фыркнул, оглядывая его.

Позади находилась стража, незначительные лица и юноша, который бросался в глаза среди взрослых. Это, верно, был сын градоначальника Ли. Вид у него был совсем не приунылый, как мог ожидать генерал. Этот паренёк на вид был таким же напыщенным петухом, как и Хай Син.

Последний склонился в поклоне:

— Приветствую уважаемого генерала Нина!

— Приветствую, — коротко ответил тот.

Вэй Цзымо, недавно вставший рядом, тоже поклонился. Уж он точно был обязан отдать дань уважения, чтобы хоть немного сгладить углы.

Хотя и без того, каких только слухов о жёстком характере Нин Вэйхуа не ходило. Говорили, на поле боя он, словно одичавший, не щадит врагов и выбирает самый жестокий путь к цели. Потому считали, что этим он и нравится Императору. Так как тот, будучи готовым идти по головам ради своей страны, одобрял любые методы, а особенно отчаянность и жестокость.

Многие думали, что семья Нин не просто так получила благосклонность от правителя, в отличие от семьи Гуан, с которой они всегда враждовали и добивались признания. При прошлом Императоре влияние семьи Гуан было несколько больше влияния семьи Нин, но со сменой власти это изменилось. При том, что тогда уже в семье Нин случилось несчастье. Потому наследник великого генерала занял пост своего отца, взяв ответственность за свою младшую сестру и дом.

— Думаю, начну обход сегодня. Так понимаю, градоначальник Хай Син, вы будете меня сопровождать? — Нин Вэйхуа вскинул бровь.

В связи со странной ситуацией у него сразу же сложилось не лучшее мнение об этом человеке. Да, он уже встречал его, но совершенно не был заинтересован в знакомстве, потому о его личности ничуть не задумывался. Всё это выглядело странно, да и этот юноша настораживал. Как же в итоге умер градоначальник Ли?..

Хай Син на миг удивился, будто споткнулся, а после вновь заулыбался, но уже с чем-то прикрытым в глазах.

— Уважаемый генерал Нин! Разве вы не хотите сначала устроиться в комнате? Мы всё подготовили! Давайте я вас прове...

Генерал перебил его:

— Не стоит. Я хочу закончить дела раньше, потому вещи мне донесут, а мы с вами сразу отправимся на осмотр.

Улыбка градоначальника медленно померкла. Он хотел снова возразить, но сразу же притих, встретившись взглядом с Нин Вэйхуа. Смирению ему пришлось распорядиться, чтобы юноша проводил приехавших с генералом в имение, а сам повел его за собой.

Перед уходом Нин Вэйхуа переглянулся с Вэй Цзымо.

— Тогда, я надеюсь, вы будете не против, если сначала я покажу вам городские тюрьмы. Потом перейдем к военным, а дальше приглашаю вас на ужин.

По ощущениям Хай Син все время пытался отвлечь генерала или что-то выведать. Он часто говорил не по делу, запоздало показывал отчеты. Нин Вэйхуа это стало уже с первой половины ши раздражать. Он сдерживался из последних сил, и его терпение уже подходило к концу, когда они вернулись на ужин.

Пока был перерыв, Нин Вэйхуа закрылся в отведенной ему комнате, где уже стояли вещи. Он повалился на кровать, раздумывая, как с такой властью будет вести войну... Война... Как же неприятно звучало это слово. Для него оно давно уже перестало быть простым набором символов. Оно стало страшными воспоминаниями, в которых гибли его друзья и он сам лежал при смерти... Мертвые глаза, оторванные конечности и холодные руки, хватающие за лодыжку в попытке призвать к помощи, — все они вспоминались ему при слове «война», пропитанном кровью и страхом.

Генерал теперь даже не удивлялся ворчанию Вэй Цзымо на негативную энергию. Еще до своего первого похода подручный часто прикидывал, как будет трудно заклинателям очистить поле битвы, чтобы не возродилось никаких злых духов. Тогда Нин Вэйхуа над ним чуть ли не смеялся, мол, все выветрится само. А потом он ощутил на себе этот ужас...